

К чему мы пришли

— Как вы оцениваете социально-политическую обстановку в стране накануне выборов? Представляется ли она вам достаточно стабильной или, напротив, взрывоопасной?

— Она мне представляется достаточно стабильной, внушающей небеспокойные надежды на экономический подъем в 1996 году. Это оценки и мои, и многих серьезных независимых аналитиков. На это позволяют надеяться и существенное снижение темпов инфляции, и начало репатриации капитала из-за рубежа обратно в страну, и быстрый рост экспорта, и начало роста в тех видах производства, которые всегда во всем мире служат локомотивом экономического подъема... Я имею в виду в первую очередь быстрый рост жилищного строительства и производства легковых автомобилей в этом году. Коротко говоря, в сфере экономики фундаментальные предпосылки подъема сформированы.

Каковы сегодня главные сдерживающие факторы? Пожалуй, прежде всего — политическая нестабильность, непредсказуемость предстоящего развития и в этой связи — отсутствие надежных гарантий частной собственности. Именно политическая нестабильность удерживает сейчас процентную ставку, скажем, по государственными ценным бумагам на аномально высоком уровне и тем самым позволяет получать крупные прибыли, не вкладывая деньги в национальную экономику, сдерживает крупные вложения капитала в отечественную промышленность и, соответственно, инвестиционный спрос на наши машины и оборудование.

К сожалению, этот фактор — политическая нестабильность — будет сказываться и в ближайшие месяцы, вплоть до июня 1996 года. При всем при том — это показывают и опросы — уровень ожидания катастроф и потрясений за последние годы существенно снизился. Происходит адаптация к новой жизни.

— Каковы, на ваш взгляд, главные достижения и главные неудачи нынешней власти?

— Я бы разделил достижения власти законодательной и исполнительной. К основным достижениям первой я бы отнес то, что удалось принять Гражданский кодекс. Это конституция частной собственности. Несмотря на некоторые упущения, Гражданский кодекс сегодня уже позволяет собственнику защищать свои права в суде по многим направлениям.

Если говорить о власти исполнительной, она, пожалуй, сумела извлечь некоторые уроки из своих ошибок. С точки зрения экономической политики, 1994 год был абсолютно провальным. После выборов 1993 года, видимо, под влиянием их результатов, правительство метнулось в сторону финансовой безответственности, результатом чего стали известные события: резкое падение курса рубля; огромная инфляционная волна осени и зимы 1994 — 1995 годов; резкое снижение жизненного уровня, сильнейший удар по реальной зарплате и реальным доходам. Однако в 1995 году правительство все-таки стало на путь более ответственной финансовой политики, далеко не безупречной по исполнению, с серьезными ошибками, но все-таки открывающей дорогу для финансовой стабилизации и, соответственно, для подъема производства.

Наиболее серьезным поражением нынешней власти, на мой взгляд, является то, что она не

Если к урнам придет не более 40 процентов избирателей, Россия вернется к очередям и пустым прилавкам

Егор ГАЙДАР:

Лидер избирательного блока "Демократический выбор России — Объединенные демократы" отвечает на вопросы обозревателя "ЛГ" Олега МОРОЗА

рупционных мер, дающий возможность оздоровить и государственную власть, и экономику, и само общество. Без этого экономический рост в России будет крайне затруднен.

Вторая группа необходимых мер — налоговая реформа. Сегодня наша налоговая система устроена, как решето. Кто не хочет платить налог, тот и не платит. На законных и полузаконных основаниях. Честные платят очень высокие налоги, недопустимо высокие... У нас огромное количество дырок, позволяющих освободить от налогообложения традиционно самые налогооэффективные товары — скажем, водку, табак. Ими торгуют, за небольшими исключениями, только те организации, которые освобождены от налогов. В результате в российском бюджете доля налогов от продажи таких товаров аномально низка. Она такой не была никогда в истории России — ни при царе, ни при большевиках. Если вы позволяете выводить из-под налогов водку, табак, газ, то никакими самыми высокими налогами на другие товары вы не компенсируете эти потери. Получается, что этой налоговой системой вы дефигурируете честность.

Стадо, быть, первое, что надо сделать — резко ограничить налоговые льготы. Второе — резко сократить число налогов (к счастью, это уже заложено в проекте

плохо. Это не нужно никому, в том числе и самим слабым предприятиям. Не будем вводить себя в заблуждение. Чаще всего мы помогаем не предприятиям — мы помогаем директорам-неумехам сохранить свое кресло. Пора поломать такой порядок.

Основа преступности — взятка

— Как вы полагаете, что нужно сделать, чтобы начать наконец реальную борьбу с преступностью?

— Важнейшая база преступности в России — это организованная преступность. Даже преступности уличной. Ведь кто такие эти стриженные мускулистые ребята, которых мы часто видим на улицах? Это ведь наемная армия организованной преступности. А оргпреступность всегда имеет своим источником коррупцию. Так было во всем мире, и так есть сегодня в России. Когда мы выделяем безадресные налоговые льготы, мы должны понимать, что они пойдут не на спортсменов, не на инвалидов — эти люди получают максимум пять процентов. Большая же часть этих средств как раз и пойдет на содержание тех самых крутых ребят, которые представляют такую угрозу для порядка в стране. И в этой связи суть предлагаемой

Фото Владимира БОГДАНОВА

— По одной элементарной причине. Для реализации этого тура серьезных, глубоких и либеральных по своему направлению реформ нужны воля, осознание сути проблем, перед которыми стоит Россия, и готовность брать на себя ответственность за эти решения. К сожалению, почти все готовы, в общем, выступить, скажем, против налоговых льгот. Но очень мало тех, кто готов взять на себя тяжесть ответственности за ликвидацию каждой конкретной налоговой льготы. К сожалению, очень много тех, кто выступает за приоритеты социальной сферы в любое время, кроме того момента, когда происходит голосование по бюджету, и очень мало тех, кто готов всерьез сократить разбазариваемые ассигнования и дотации и действительно бросить деньги на поддержку, например, науки, культуры, образования, здравоохранения.

— Совершенно фантастическая ситу-

КПРФ — это партия, которая может прорваться к власти в этом избирательном цикле. И только в этом. Если она к ней не пробьется, то навсегда останется партией социального протеста.

— Мы знаем, что в ряде стран Восточной Европы, Прибалтики к власти сейчас пришли бывшие коммунисты. Последний пример — избрание Квасьневского президентом Польши. Нынешнее тяготение российских избирателей к красным — это тот же самый процесс или какой-то иной?

— Да, тот же самый. Логика его вполне понятна. Коммунисты обычно уходили от власти в условиях экстремального экономического кризиса, иначе они от нее не ушли бы. После этого демократические правительства получали тяжелую миссию расплачиваться за перебитые горшки, разгребать большое количество грязи и расхлебывать неприятности. Выполняя эту миссию, они, совершенно естественно, вынуждены были принимать непопуляр-

— Ну, во-первых, у людей разная память. Я действительно со многими разговаривал во время своих поездок... Вы правы, блокировка памяти происходит, и вместе с тем очень многие быстро вспоминают реальное положение дел, как только им о нем напомним. Именно на это я и надеюсь. Потому что, как ни странно, чем ближе победа коммунистов, чем реальнее эта угроза, тем как бы ярче восстанавливается память. Те же самые люди, которые явно не помнят реалии 1990 года, когда им объясняешь, как элементарно это все может вернуться, вдруг осознают те реалии не как совсем забытое прошлое, а как нечто вновь стоящее прямо у порога их дома. То самое, с чем мы родились, жили десятилетиями и с чем, были уверены, умрем.

— Так ведь невозможно все объяснить и все напомнить каждому из 50 — 60 миллионов избирателей...

— Да, это великая проблема. Тем не менее все равно будем пытаться напомнить...

Кроме того, надо иметь в виду еще одно. Коммунистический режим мог жить только на постоянной подпитке. Он ведь был на редкость непродуктивным. И развалился-то он в тот момент, когда все ресурсы, которые можно было из страны выкачать, он выкачал. Когда он развалил отечественное сельское хозяйство, посадил страну на зависимость от импортного зерна, выкачал дешевую нефть Самотлора, набрал 108 миллиардов долларов кредитов, вывез золотой запас, вывез валютные резервы... И вот в этот момент развалился. Уже отсюда ясно, что возврата хотя бы к относительно стабильным семидесятым годам сейчас быть не может, потому что все то, за счет чего эта видимая, кажущаяся стабильность обеспечивалась, давно разбазарено.

Другого нам не дано

— Когда мы беседовали с вами прошлый раз — где-то в конце марта, еще на дальних подступах к предвыборной кампании, — вы высказали большую тревогу в связи с разобщенностью демократических сил. Увеличилась или уменьшилась эта тревога за прошедшие месяцы? Сейчас, наверное, уже достаточно ясно, к чему привела такая разобщенность (хотя окончательно итоги можно будет подвести только после выборов)?

— Тревога не увеличилась и не уменьшилась — просто оказалось, что мы были правы. Наши оценки, к сожалению, оправдались.

— Нельзя ли что-нибудь сделать хотя бы сейчас, в последний момент перед выборами? Ведь вполне очевидно, что абсолютное большинство объединений и блоков демократического толка не преодолеет пятипроцентный барьер и окажется за бортом Думы. Разве не разумно в такой ситуации снять свои списки с голосования и призвать потенциальных избирателей отдать голоса за тех, кто имеет реальные шансы попасть в нижнюю палату парламента, — за "Яблоко" или за "Демвыбор России"?

более ответственной. Финансово-политики, далеко не безупречной по исполнению, с серьезными ошибками, но все-таки открывающей дорогу для финансовой стабилизации и, соответственно, для подъема производства.

Наиболее серьезным поражением нынешней власти я считаю то, что она не смогла остановиться перед началом войны — войны, которая нанесла серьезнейший удар по российской государственности, российской экономике и которая, это важнее всего, стоила нам десятков тысяч жизней. Второй негативный момент — нынешняя власть все-таки оказалась неспособной провести набор жизненно необходимых реформ, в свое время незавершенных нашим правительством из-за малого отпущенного ему срока.

Что нам требуется

— Какие первоочередные меры, с вашей точки зрения, необходимо принять для достижения стабильности в экономике, замедления спада производства, для повышения жизненного уровня людей?

— Мы сейчас имеем причудливо переплетенные власть и собственность в экономике. Их отношения очень напоминают те, которые традиционны для обществ восточного типа. Это, конечно, уже не коммунистический атавизм, но еще и не западное общество. Здесь общество и власть как бы наполовину слиты. Главную роль тут играют не эффективность производства, не качество продукции, не способность контролировать издержки, а индивидуальные льготы, взятки и связи в структурах власти. Именно они определяют экономическое положение того или иного предприятия. Деньги, распределяемые из бюджета по чьему-то усмотрению, льготные кредиты, бюджетные ссуды, внеконкурсный механизм распределения государственных заказов, индивидуальные налоговые льготы, индивидуальные льготы по таможенным тарифам — все это дает чиновнику огромную власть, возможность распределять государственные деньги по своему усмотрению.

Если это так, то экономика совершенно неизбежно криминализируется. Если ты честный и не умеешь давать взятки, ты находишься в заведомо неравных условиях со своим конкурентом, ты не сможешь соревноваться с ним на равных. Он не платит налоги, а ты должен платить. Он не платит импортные пошлины, а ты должен платить. Ты не получаешь денег из бюджета, а он получает. В этих обстоятельствах ты должен либо закрыться, уйти из бизнеса, либо научиться давать взятки точно так же, как и он.

Именно вот эта незавершенность жизненно необходимых либеральных преобразований воспроизводит общество и экономику восточного типа — с мощной воротовой бюрократией и находящимся под ее пятой неизбежно криминализованным бизнесом.

Для того чтобы рынок работал не на взятку, а на экономический рост, необходимо провести комплекс мероприятий, которые позволили бы выровнять условия игры, отобрать у чиновников право распределять и делить по своему усмотрению. Попросту говоря, необходимы конкурсные механизмы распределения государственных ресурсов, государственных инвестиций, жесткая прописанность механизмов расходования каждой государственной копейки, бюджет гораздо более подробный, чем тот, который принимается сегодня, позволяющий реально контролировать использование государственных ресурсов, максимальная универсализация налогового и таможенного режимов... Короче говоря, необходим набор антикор-

кими самыми высокими налогами на другие товары вы не компенсируете эти потери. Получается, что этой налоговой системой вы дискриминируете честность.

Стало быть, первое, что надо сделать — резко ограничить налоговые льготы. Второе — резко сократить число налогов (к счастью, это уже заложено в проекте Налогового кодекса). Третье — на этой базе резко упростить налоговую систему, улучшить собираемость налогов. Четвертое — снизить общий уровень налоговых ставок. Пятое — ввести упрощенную систему налогообложения для малого и среднего бизнеса, что позволило бы создать базу для формирования среднего класса в России. И, наконец, шестое — создать надежные правовые гарантии для налогоплательщика. Мы внесли в Думу проект соответствующего закона. Он позволяет налогоплательщику бороться с произволом чиновника.

Третье, что необходимо сделать для создания предпосылок экономического роста, — это, разумеется, установить четкие и надежные гарантии частной собственности. Без них люди не будут вкладывать свои деньги в производство. Они их всегда будут крутить в спекулятивных операциях. Кое-что здесь сделано, но очень многое еще предстоит сделать. Нужно, чтобы вступил в силу закон о ценных бумагах (он уже прошел через Думу), закон об акционерных обществах (вокруг него идет долгая борьба). Нужен закон о защите вкладчиков, который защитил бы тех, кого обманывали и обманывают финансовые пирамиды и ненадежные банки. Нужен закон об ипотеке, который открыл бы дорогу кредитованию жилищного строительства. Ну, и в первую очередь, конечно, нужен комплекс законов, надежно гарантирующих частную собственность на землю. Отсутствие их — сильнейший удар по отечественному аграрному сектору, по инвестициям в национальную экономику, по самой стабильности банковской системы, потому что это подрывает надежность залога.

Вот это, пожалуй, сегодня важнейшие меры, которые необходимы для того, чтобы создать базу для экономического роста.

Наряду с этим нужны, конечно, шаги для социально справедливого распределения результатов этого роста. И здесь я остановился бы на двух вещах. Первое — это реформа системы социальной защиты. Сегодня она у нас безрадостная. Она не увязана с нуждаемостью. Мы пытаемся как бы поддержать очень многих, но при этом поддерживаем крайне неэффективно, тратим на это очень много денег. А в результате те, кто действительно нуждается, так и остаются самыми бедными и живут ниже уровня прожиточного минимума. Главное, что здесь надо сделать, — жестко увязать пособия по малообеспеченности с уровнем нуждаемости, всемерно ограничить безрадостные дотации, направлять эти средства на помощь тем, кому действительно трудно.

Еще одно направление, важное для того, чтобы результаты экономического роста были социально справедливо распределены, — это изменение приоритетов бюджетной политики. Сегодня у нас колоссальная часть бюджетных средств — и федеральных, и региональных — тратится на поддержку неэффективных предприятий. Между тем в мире нет ни одной успешно работающей экономики, чья продуктивность обеспечивалась бы за счет массового сохранения неэффективных предприятий, за счет массового вложения в них средств. Средства, которые забирают у тех, кто работает хорошо и эффективно, и перераспределяют в пользу работающих

налоговые льготы, мы должны понимать, что они пойдут не на спортсменов, не на инвалидов — эти люди получат максимум пять процентов. Большая же часть этих средств как раз и пойдет на содержание тех самых крутых ребят, которые представляют такую угрозу для порядка в стране. И в этой связи суть предлагаемой нами стратегии борьбы с преступностью — это устранение базы ее, устранение источников коррупции, мощнейший удар по организованной преступности как основы всей преступности.

Мы, конечно, понимаем, что это отнюдь не вся проблема. Наша фракция провела через Думу Уголовный кодекс. Мы добились преодоления вето Совета Федерации, и я очень надеюсь, что президент его подпишет. Это современный документ. Он открывает дорогу для борьбы с многими видами преступлений, перед которыми прежде мы были беспомощны, просто хотя бы потому, что они не были описаны нормально в законодательстве, таких преступлений, жертвами которых стали миллионы людей. Скажем, ложное банкротство... Короче, этот документ позволяет привести наше законодательство в соответствие с изменившимися условиями жизни.

Нужно и еще довольно много, чтобы борьба с преступностью стала в России эффективной. Требуются серьезные меры реорганизации в самом Министерстве внутренних дел. Оно должно стать гораздо более открытым для общественного контроля. И, конечно, гораздо менее коррумпированным.

Но стеречь всего, что необходимо сделать, еще раз подчеркну, — это убрать источник организованной преступности, порвать связь между собственностью и властью.

— В своих программах вы много внимания уделяете военной реформе. В чем суть ваших предложений?

— Мы сейчас имеем армию, в которой не хотят служить офицеры, потому что они не могут заниматься своим делом — скажем, боевой подготовкой. Армию, в которую матери не хотят отпускать своих сыновей, в которую не хотят идти служить сами юноши. Мы имеем армию большую, дорогую и предельно неэффективную. Армию, которая сама собою недовольна. Что здесь надо сделать? По нашему убеждению, нужна серьезная военная реформа. Основное направление ее — сокращение численности вооруженных сил, включая сюда внутренние войска и пограничников, примерно до миллиона человек; упрощение их структуры управления, резкое сокращение количества штабов, круга обслуживающих подразделений, отказ от огромного натурального хозяйства Министерства обороны, начиная от военных совхозов и кончая военными заводами строительных материалов. На этой базе можно обеспечить средства, достаточные для боевой подготовки, реального выполнения социальных гарантий для военнослужащих, обеспечения поставок современной боевой техники. Военная реформа должна создать базу для перехода к профессиональной военной службе.

Понимаю, что все это нельзя сделать ни за месяц, ни за два. Это требует серьезной работы и немалого времени — согласно нашим расчетам, примерно семи лет. Но мы убеждены, что начинать работу в этом направлении необходимо. Только в таком случае мы можем получить армию меньшую по численности, но такую, которая будет эффективна и которой будет гордиться страна.

— Как вы считаете, почему нынешние власти не принимают всех перечисленных вами мер — и в области экономики, и по части борьбы с преступностью, и по военной реформе?

любое время, кроме того момента, когда происходит голосование по бюджету, и очень мало тех, кто готов всерьез сократить разбазариваемые ассигнования и дотации и действительно бросить деньги на поддержку, например, науки, культуры, образования, здравоохранения.

— Совершенно фантастическая ситуация установилась в Чечне — ни войны, ни мира... В чем вы видите выход из положения?

— Гораздо легче разбить кувшин, чем потом его склеить. Точно так же гораздо легче начать войну по глупости, чем потом эту войну закончить.

Приведу здесь такую аналогию — Афганистан. Мы вперлись туда в 1973 году. Свергли короля. Потом вперлись еще раз — в 1978-м. Привели к власти левое правительство. Потом еще — в 1979-м. Ввели свои войска. Уже давно их вывели, а что там сделать, как расхлебать заваренную нами кровавую кашу — этого никто не знает. Так и в Чечне. Залезть туда было легко, а вылезти очень трудно. Там нет простых решений. Вот почему мы и выступили так решительно против этой войны, еще в самом начале, пожалуй, самыми первыми, что понимали: в результате мы придем к ситуации подобного типа. Ситуации, которая будет постоянно кровоточить, на которую мы будем тратить огромные деньги и из которой не будет простого выхода.

Тем не менее я убежден, что, несмотря ни на что, надо продолжать политику диалога, избегать любых конфронтационных действий, пытаться перетянуть на свою сторону наиболее умеренную часть чеченского общества (отнюдь не все там хотят воевать до последнего чеченца). Конечно, все это очень трудно делать нынешнему российскому правительству, на совести которого и разоблаченные больницы, и десятки тысяч убитых ракетными и бомбовыми ударами. Но все равно другого пути я не вижу.

Коммунисты, вперед?

— Вы уже второй раз участвуете в избирательной кампании. Чем, на ваш взгляд, нынешняя кампания отличается от предыдущей? Равноценны ли они по своему значению?

— В нынешней кампании — я имею в виду цикл парламентских и президентских выборов — решается гораздо больше, чем решалось в прошлой. Вообще в мире не так часто случаи, когда на демократических выборах решается многое. Как правило, на весах лежат вещи довольно тривиальные. В истории XX века буквально по пальцам можно пересчитать выборы, на которых всерьез решалась судьба страны. Тут можно назвать, например, выборы 1932 года в США или 1933 года в Германии. В России и случаев-то таких, пожалуй, не было. В 1993 году были важные выборы — выбирали парламент на два года, но судьба страны на них не решалась. А вот в этом цикле выборов — 1995 — 1996 годов — Россия действительно по ряду причин оказалась на развилке двух очень разных дорог, и то, какую она выберет, окажет огромное влияние на ее судьбу в XXI веке.

— Социологические опросы, как известно, показывают, что в симпатии населения нынче преобладают коммунисты. Совпадают ли ваши собственные впечатления от встреч в российских регионах с данными этих опросов?

— Совпадают. Это действительно так. Электорат коммунистов довольно большой, он неплохо организован. Активен. Но я убежден, что он имеет весьма ограниченный потенциал роста. Потому что я фактически не вижу его среди молодых.

мического кризиса, иначе они от нее не ушли бы. После этого демократические правительства получали тяжелую миссию расплачиваться за перебитые горшки, разгребать большое количество грязи и расхлебывать неприятности. Выполняя эту миссию, они, совершенно естественно, вынуждены были принимать непопулярные меры, и в этой связи, вполне понятно, возникала обратная волна. Разница между Россией и Восточной Европой заключается вот в чем. Там посткоммунистические партии эволюционировали в сторону социал-демократии. В том числе и потому, что это всегда были партии вассальные. Они всегда ассоциировались не с национальным господством, а с национальным унижением, с оккупационным режимом. А вот в России, где была материнская империя и где, соответственно, коммунистическая партия была партией имперской, эволюция пошла отнюдь не в сторону социал-демократии, а в сторону национал-социализма. И это, конечно, делает ситуацию отнюдь не симметричной.

— Какие результаты выборов в Думу вы сочли бы катастрофическими? Насколько они вероятны?

— Катастрофической можно будет считать ситуацию, если коммунисты и их союзники получат надежные 226 голосов и вместе с колеблющимися — больше 300 голосов. Такая ситуация не исключена, хотя ни в коей мере не неизбежна. Очень многое будет зависеть от явки избирателей. Если придет процентов 40, то, я думаю, этот результат почти предсказан. Если придет процентов 70, он крайне маловероятен.

— Не опасаетесь ли вы фальсификации выборов?

— Опасаюсь. Эта проблема дала о себе знать уже на выборах 1993 года. Будем делать все возможное, чтобы обеспечить контроль за голосованием.

— Какова вероятность полного отката от проведенных в стране за последние годы реформ в случае возврата к власти рыцарского ордена Серпа и Молота?

— Знаете, устойчивый, стабильный социализм на десятилетия построить им, разумеется, не удастся. А вот восстановить предельный беспорядок, скажем, образца 1990 года — это вполне в их силах. Они могут нанести мощный удар по рыночным отношениям, снова воспроизвести дефицит, очереди, карточки, неконвертируемую валюту. Когда все это проявится, народу такое положение дел, естественно, придется не по вкусу и потребуются козлы отпущения, "виноватые" во всем. В связи с этим, кстати говоря, не грех перечитать кое-какие исторические книжки и вспомнить, что "враги народа" в 1929 году в первую очередь появились как "вредители рабочего снабжения", то есть как люди, которые должны были отвечать за то, что вот при нэпе товары были, а теперь почему-то исчезли...

Кроме того, потребуются ввязаться в какие-то внешнеполитические авантюры. В частности, возникнет надежда, что маленькая победоносная война позволит списать на нее все экономические невзгоды. Но беда в том, что все маленькие победоносные войны, как правило, оборачиваются большими и кровавыми. Для России это особенно характерно.

— Большинство людей, по-видимому, лишено даже малой толики исторической памяти: они не помнят ни бессудных расстрелов, ни лагерей, занимавших едва ли не половину страны, ни пустых магазинов, ни километровых очередей, ни "колбасных электричек", устремлявшихся со всех сторон в Москву, то есть всего того, что было при коммунистах, — и все равно готовы тупо голосовать за них. Какие выводы должен сделать политик из этого факта — столь короткой народной памяти? Вообще не апеллировать к прошлому? Обещать лишь благополучное будущее?

шинство объединений и блоков демократического толка не преодолеет пятипроцентный барьер и окажется за бортом Думы. Разве не разумно в такой ситуации снять свои списки с голосования и призвать потенциальных избирателей отдать голоса за тех, кто имеет реальные шансы попасть в нижнюю палату парламента, — за "Яблоко" или за "Демвыбор России"?

— Мы пытаемся сегодня договариваться о взаимодействии в отдельных мажоритарных округах. Где-то это удается, где-то нет. Что касается голосования по партийным спискам, хотелось бы надеяться, что и тут что-то можно сделать. Мы ведем такие консультации. Я надеюсь, что по крайней мере какая-то часть блоков демократической ориентации, явно не имеющих шансов быть избранными, осознает это и примет разумное решение. Хотя все это даже технически не так просто. Для этого требуется созвать съезд соответствующего блока...

— Я знаю, что вы неохотно говорите о президентских выборах. И все-таки, согласитесь, по-настоящему вопрос о власти будет решаться в июне, а не в декабре. Не стала ли сейчас, в самый канун парламентских выборов, более ясной ситуация с выборами президентскими? Какие основные политические силы сойдутся в соперничестве за президентский пост? Кто вы могли бы назвать в качестве реальных кандидатов на него? Вы по-прежнему не определились с тем, чью кандидатуру будете поддерживать?

— Мы давно определили свою позицию и не хотим от нее отказываться. Вопрос о президентских выборах мы начнем обсуждать ровно через день после того, как будут подведены итоги выборов парламентских.

— Не кажется ли вам, что в связи с ухудшением здоровья президента возрастает опасность государственного переворота?

— Я не думаю, что эта угроза сейчас актуальна. Гораздо серьезней сегодня угроза чисто электральной победы сил, которые, однажды использовав демократические правила игры для своей победы, в дальнейшем могут забыть их.

— По-видимому, можно считать общепризнанным, что демократическое движение в России сейчас переживает спад. Как вы думаете, насколько он глубок? Есть ли шансы остановить его, вызвать новый подъем? Согласны ли вы с утверждением, что демократия — это вообще для России нечто чужеродное?

— Нет, я с этим категорически не согласен. Прекрасно понимаю, что у России, где демократические традиции на протяжении веков не было, путь к устойчивой демократии будет очень непростым. Но самое глупое, что можно сделать, — это бросаться немедленно топтать саму идею российской демократии, говорить, что если вот она у нас такая некрасивая получилась, давайте ее сдвим куда-нибудь в детский дом. Это наш общий ребенок. Он с плохой наследственностью, он не очень хорошо воспитан. Но другого все равно не будет. Надо за него бороться. И пытаться сделать его лучше.

Есть ли шансы? Да, без всякого сомнения. Совершенно убежден, что если пройдем нормально вот этот избирательный тур, то следующий окажется для демократии в России гораздо более легким.

Если же паче чаяния к власти прорвутся антидемократические силы, долго они не удержатся. Конечно, будет нанесен сильнейший удар по перспективам России в XXI веке, будет огромный риск, но все равно мы выберем обратно на путь к свободе, рыночной экономике и демократии. Другого пути в XXI веке у России нет. Это совершенно очевидно показал век XX.

Так что демократия в России все равно победит. Другое дело, насколько это будет еще стоить нашей стране.